

**STUDIA
CULTURAE**

3(33)

2017
SAINT-PETERSBURG

STUDIA CULTURAE

Выпуск 3 (33)

RES: Ю.М. Мальцева

STUDIA CULTURAE TOM 3, № 33, 2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	Евгений Соколов (Россия) СПбГУ
ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	Александр Колосков (Россия) СПбГУ Лариса Морина (Россия) СПбГУ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ	Юлия Мальцева (Россия) СПбГУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАУЧНОГО СОВЕТА	Борис Соколов (Россия) СПбГУ
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАУЧНОГО СОВЕТА	Дмитрий Прокудин (Россия) СПбГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Райганат Абакарова (Россия); Анатолий Алексеев-Апраксин (Россия); Бартоло Гарильо (Италия); Ральф Беккер (Германия); Олег Борисов (Россия); Александр Величенко (Украина); Серик Джунусбаев (Казахстан); Людмила Клюкина (Россия); Павел Мартысюк (Белоруссия); Леон Миодоньский (Польша); Арто Хаапала (Финляндия).

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Татьяна Акиндинова (Россия); Тициана Андина (Италия); Володимир Бугров (Украина); Юрий Доманский (Россия); Александр Замалеев (Россия); Ян Красицкий (Польша); Игорь Ларионов (Россия); Мария Могилевич (Россия); Никита Ноговицын (Россия); Надежда Орлова (Россия); Артём Радеев (Россия); Андрей Сергеев (Россия); Майя Соболева (Германия); Александр Соловьев (Россия); Эрдэнэцогт Сонинтогос (Монголия); Екатерина Сурова (Россия); Елена Устюгова (Россия).

ISSN печатной версии: 2225–3211

ISSN он–лайн версии: 2310–1245

Информация о журнале размещена на сайте: <http://iculture.spb.ru>

Публикуемые материалы проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Журнал входит в базу данных РИНЦ.

© Studia Culturae, 2017

© Авторы статей, 2017

STUDIA CULTURAE VOLUME 3, № 33, 2017

EDITOR-IN-CHIEF	Evgeny Sokolov (Russia) SPBU
DEPUTY CHIEF EDITOR DEPUTY CHIEF EDITOR	Alexander Koloskov (Russia) SPBU Larisa Morina (Russia) SPBU
EDITORIAL ASSISTANT	Julia Maltceva (Russia) SPBU
CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD	Boris Sokolov (Russia) SPBU
VICE CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD	Dmitry Prokudin (Russia) SPBU

EDITORIAL BOARD

Rayganat Abakarova (Russia); Anatoly Alekseev–Apraksin (Russia); Bartolo Gariglio (Italy); Ralf Becker (Germany); Oleg Borisov (Russia); Alexander Velichenko (Ukraine); Serik Dzhunusbayev (Kazakhstan); Lyudmila Klyukina (Russia); Pavel Martysyuk (Belarus); Leon Miodonski (Poland); Arto Haapala (Finland).

ADVISORY BOARD

Tatyana Akindinova (Russia); Tiziana Andina (Italy); Volodimir Bugrov (Ukraine); Yury Domansky (Russia); Alexander Zamaleev (Russia); Jan Krasitski (Poland); Igor Larionov (Russia); Maria Mogilevich (Russia); Nikita Nogovitsyn (Russia); Nadezhda Orlova (Russia); Artyom Radeev (Russia); Andrey Sergeyev (Russia); Maya Soboleva (Germany); Alexander Solovyov (Russia); Erdenetsogt Sonintogos (Mongolia); Ekaterina Surova (Russia); Elena Ustyugova (Russia).

ISSN (printing version): 2225–3211

ISSN (online version): 2310–1245

Official site of the journal: <http://iculture.spb.ru>

The published materials undergo procedure of reviewing and expert selection

The journal is indexed by RISC

© Studia Culturae, 2017
© Authors of the issue, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACADEMIA

Е.В. ДЕРЖИВИЦКИЙ

М.В. ГРАЧЕВА

ЮМОР В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

E. V. DERZHIVITSKY

M. V. GRACHEVA

HUMOR IN THE POLITICAL SPACE: TO THE PROBLEM.....9

Л.А. КЛЮКИНА

Е.Н. ЗОЛОТУХИНА

*АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА В ФАНТАСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»*

L. A. KLYUKINA

E.N. ZOLOTUHINA

*THE APOLOGY OF CHRISTIANITY IN THE FANTASTIC STORY OF F. M. DOSTOYEVSKY
«THE DREAM OF THE RIDICULOUS MAN» 15*

Н.О. НОГОВИЦЫН

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ: СЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

N.O. NOGOVITSYN

GENERATION OF IMAGE IN MEDIA TEXTS: SEMIOTIC ANALYSIS 32

SYMPOSIUM

С.А. ДЗИКЕВИЧ

Е.А. ДЗИКЕВИЧ

*ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

S.A.DZILEVICH

E.A.DZIKEVICH

AESTHETIC DISTANCE AND CONTEMPORARY THEATRE PROCESS: INSTITUTIONAL ANALYSIS44

И.М. ЛИСОВЕЦ

Б.В. ОРЛОВ

*ЭСТЕТИКА ПРОЕКТИВИЗМА В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВА:
АКТУАЛЬНЫЕ АРТ-ПРАКТИКИ*

I.M. LISOVETS

B.V. ORLOV

AESTHETICS OF PROJECTIVISM IN NONCLASSICAL PHILOSOPHY OF ART:

ACTUAL ART PRACTICES.....53

В.В. ПРОЗЕРСКИЙ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСКУССТВ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭСЕТИКЕ

V.V. PROZERSKI

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF ARTS IN NONCLASSICAL AESTHETICS.....62

Е.Н. УСТЮГОВА
«МОРФОЛОГИЯ ИСКУССТВА» М.С.КАГАНА КАК ОТКРЫТАЯ СИСТЕМА
E.N. USTIUGOVA
M.S.KAGAN'S «MORPHOLOGY OF ART» AS AN OPEN SYSTEM.....71

М.В. ФИЛИППОВА
С.В. ЮРЛОВА
АКТУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ «НОВОЙ ТЕЛЕСНОСТИ»
M.V. PHILIPPOVA
S.V. YURLOVA
ACTUAL ART AS A REFLECTION OF «NEW CORPORALITY».....83

Л.А. ЗАКС
ИСКУССТВО ПОСЛЕ «МОРФОЛОГИИ ИСКУССТВА»: АРТ-ОБЪЕКТЫ И КУЛЬТУРОЦЕНТРИЗМ
L.A. ZAKS
THE ARTS AFTER «MORPHOLOGY OF THE ARTS»: ART OBJECTS AND CULTURE-CENTRISM...95

Е.С. ЩЕКOTOVA
ТЕХНОРОМАНТИЗМ И КИБЕРГОТИКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ЖАНРЕ КИБЕРПАНКА
E.S. SHCHEKOTOVA
TECHNOROMANTISM AND CYBERGOTICS IN THE CYBERPUNK LITERATURE.....111

RES

Л.П. МОРИНА
*ТЕЛЕСНОСТЬ ВЕЩИ:
«ПСИХО-ФИЗИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО»*
L.P. MORINA
THE BODY OF THE THING: «PSYCHO-PHYSICAL» UNITY..... 1210

Б.Г. СОКОЛОВ
ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ВЕЩИ: СТАРТОВЫЕ ПОЗИЦИИ АНАЛИЗА
B.G. SOKOLOV
THE PHENOMENON OF THE MODERN THINGS: THE STARTING POSITION OF ANALYSIS 128

А.Н. КОЛОСКОВ
ПАРАДИГМАТИКА ОБЕЩЕСТВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КУЛЬТУРЕ (ПРОСВЕЩЕНИЕ. ЖЕСТ ОДАРИВАНИЯ)
A.N. KOLOSKOV
PARADIGMATICS OF OBJECTIFICATION OF THE ART TEXT IN CULTURE (THE AGE OF ENLIGHTENMENT. GIFTING GESTURE).....141

О.Н. ЧЕРНЫХ
ВЕЩЬ И ТЕЛЕСНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ.
O.N. CHERNYCH
THE PHENOMENON OF OBJECT AND CORPOREALITY IN A «VIRTUAL» REALITY.....151

Ю.М. МАЛЬЦЕВА
ИСЧЕЗАЮЩАЯ ВЕЩЬ В ИСКУССТВЕ
Y.M. MALTSEVA

ИСЧЕЗАЮЩАЯ ВЕЩЬ В ИСКУССТВЕ 159

SCHOLA

А. Г. ВОРОТИЛИН

«ЭСТЕТИКА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ» ПОЛЯ ВИРИЛЬО

A.G. VOROTILIN

PAUL VIRILIO'S «AESTHETICS OF DISAPPEARANCE».....178

Academia

RES: Ю.М. Мальцева

Studia Culturae: Вып. 3 (33): Academia: Е.В. Держивицкий, М.В. Грачева. С. 9-14.

Е.В. ДЕРЖИВИЦКИЙ

Кандидат философских наук, доцент

Институт философии

Санкт-Петербургский государственный университет

М.В. ГРАЧЕВА

Аспирант 1 курса

Институт философии

Санкт-Петербургский государственный университет

ЮМОР В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Настоящая статья посвящена постановке проблемы юмора в пространстве политического, которое, являясь одним из проявлений социальной коммуникации, имеет ряд своих особенностей. В ней также рассматривается специфика понимания юмора и комического и объясняется целесообразность игнорирования второго в научном исследовании. При этом акцент делается на том, что большей научной перспективой при изучении юмора в пространстве политического, в силу объективных причин, обладает использование юмора самими политиками в процессе своей деятельности как имеющее более серьезное последствие и для их имиджа, и для всего сообщества.

Ключевые слова: юмор, комическое, политика, имидж политиков, смешные политики, юмор и ответственность.

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ №16-03-00388а

E.V. DERZHIVITSKY

PhD of Philosophy, Associate Professor

Institute of Philosophy

Saint-Petersburg State University

M.V. GRACHEVA

Postgraduate student of the first course

Saint-Petersburg State University

HUMOR IN THE POLITICAL SPACE: TO THE PROBLEM

This article is devoted to posing the problem of humor in the political space, which, being one of the manifestations of social communication, has a number of its features. It also examines the specifics of understanding humor and comic, and explains the appropriateness of ignoring the latter in scientific research. At the same time, emphasis is placed on the fact that a greater scientific perspective in the study of humor in the space of political, for objective reasons, has the use of humor by politicians themselves in the course of their activities as having a more serious consequence both for their image and for the whole community.

Keywords: humor, comic, politics, political image, funny politicians, humor and responsibility.

This work was supported by Grant RFH №16-03-00388a

Теме юмора посвящено немало совершенно серьезных исследований. К его природе и проявлениям обращаются культурологи, психологи, антропологи, этнографы, филологи и социологи, изучая его с разнообразных точек зрения. Помимо очевидных результатов его проявления в виде смеха, вызванным остроумной шуткой, в межличностной или социальной коммуникации он выступает как средство снятия напряжения, то есть, по сути, играет важную роль в уменьшении накала в конфликтной ситуации, а то и вовсе в ее разрешении. И если исходить из точки зрения З. Фрейда о том, что сквернословие стало подлинным творцом человеческой цивилизации, потому что заменило собой физическое насилие, то в отношении юмора можно сказать, что он стал подлинным творцом человеческой культуры, развитие которой посредством лишь науки и техники означало бы отказ от чего-то слишком человеческого. При этом, несмотря на то, что самой ожидаемой реакцией как на юмор, так и на комическое является смех, они, юмор и комическое, не сводимы друг к другу.

Анри Бергсон писал: «Не существует комического вне собственно человеческого» [1]. Однако довольно часто можно столкнуться с мнением, что юмор – это просто более широкое и общее понятие, чем смех, который, в свою очередь, является всего лишь составляющей юмора. Такое понимание, как представляется, корректнее, чем переплетение двух понятий, но нам видится правильным более строгое их разделение, что является принципиально важным при рассмотрении проблемы с точки зрения этики. Необходимо оговориться, что смех – это внешняя, субъективная реакция человека на комическое, и в этом смысле он не может быть предметом этического анализа. Безусловно, мы можем осудить человека за то, что он засмеется, увидев нечто трагическое, вероятно, многие люди будут осуждать сами себя за подобную реакцию, но сам смех не будет объектом нашего осуждения. В данной ситуации смех по-прежнему останется лишь реакцией на ситуацию, осуждение же мы будем

выносить моральным ценностям человека, позволившего себе подобную бестактность. Осознание же того, почему человек, посмеявшийся над чем-то, достоин порицания, и как мы отметили, что данная ситуация не может быть смешной, произрастает из общественной морали. В этот момент смех и юмор полностью разделяются как феномены: если смех – это почти рефлекторное, то юмор – это сугубо общественное.

Юмор – заданное общественной моралью явление, которое, какой бы свободой мы ее не наделяли, всегда четко ограничено культурными, историческими и социальными факторами. Юмор, в отличие от смеха или абстрактно-комического может являться объектом этической экспертизы. Присутствуя во всех сферах жизни общества, юмор обладает своей спецификой, что вызвано принадлежностью к той или иной гендерной, этнической или профессиональной группе, и то, что может быть понято и оценено ее представителями, может показаться странным или нелепым для «непосвященных». Однако есть сфера социальных отношений, в которой такой специфики либо нет вовсе, либо убеждение в ней, скорее, должно говорить об отсутствии чувства юмора у самого оценивающего, а именно – политика. Политика как способ регулирования социальных взаимодействий, безусловно, имеет свои особенности по сравнению с иными сферами жизни общества. В отличие от экономической или духовной сфер, политическая имеет ряд специфических ролей и атрибутов, например, таких, как право на авторитарное распределение ценностей в обществе и на легитимное насилие. Но при этом политика, пусть и от лица анонимного сообщества, государства, осуществляется людьми, достоинства и компетентность которых являются предметом оценки, одобрения или неодобрения со стороны управляемых. Подразумевая под политикой именно регулирование всех видов социальной коммуникации, отметим, что здесь, говоря о юморе в пространстве политического, уместней говорить о такой его разновидности, которая предполагает взаимную зависимость управляющих и управляемых, то есть ситуацию, при которой политик, претендующий на высшие властные позиции, избирается, а его личные и деловые качества являются частью его имиджа.

Юмор в пространстве политического имеет две ипостаси: первая – это когда он используется как выражение отношения управляемых к политической системе вообще или ее персонифицированным представителям, и вторая – когда его используют сами политики в конкурентной борьбе за голоса избирателей, во время дебатов с представителями оппозиции или для интерпретации каких-либо событий. На наш взгляд, первое проявление юмора, в силу присутствия нюансов национального, исторического, культурного и т.д. характера, представляя безусловный интерес для исследователей, имеет меньшее значение для понимания его в

пространстве политического, чем второе, поскольку не позволяет определить какие-то типичные и универсальные, понятные везде и всегда, ситуации и формы его использования.

В первом случае приходится учитывать слишком большое количество особенностей, которые, по сути, будут своего рода продолжением политической культуры, которая, в свою очередь, всегда уникальна. И если юмор в адрес правящей элиты на страницах желтой прессы почти везде одинаков, это, скорее, является следствием присутствия на уровне массового сознания архаичных архетипов, позволяющих лишить элементов сакрального если не саму политическую власть, то хотя бы ее обладателей, низвести ее до уровня бытовых отношений и дозволенностей. Но ведь массовая культура тем и отличается, что она сознательно не предполагает ориентацию на национальную или иную уникальность. Это же касается и такого важного аспекта как ощущение уместности и рамок использования юмора политиками, которые тоже в разных политических культурах отличаются.

Во втором же случае юмор, включая самоиронию, ставит перед собой совершенно иные задачи. Можно сказать, что, прибегая к ним, политик тем самым подчеркивает свою личную связь с управляемыми, демонстрирует свою доступность и человечность – ведь история знает множество примеров, когда неперменной чертой всех тираний был запрет на даже самое безобидное высмеивание властителей. Вместе с тем, терпимое отношение к юмору в свой адрес выполняет своего рода функцию катарсиса – направив энергию и фантазию шутников по этому пути, можно избежать или отложить необходимость отвечать на серьезную критику. Это, наконец, на уровне индивидуального сознания способно примирить управляемого с символами и атрибутами власти, обладателями которых, столь желанными и притягательными, является другой. Именно эту роль (не считая следования сакрально освященной традиции) выполняли песенки скабрёзного содержания, которые римские легионеры распевали во время празднования триумфа своего полководца, или средневековых менестрелей, хотя высмеивание последних властями не приветствовалась. Однако здесь таится и своя опасность: политик, допускающий юмор в свой адрес, укрепляет свой имидж именно как политик, даже если смысла шуток он не понимает как человек. Хрестоматийным примером здесь служила премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, дефицит юмора у которой компенсировали ее помощники, выделявшие, перед официальным выступлением с заготовленными речами, в тексте, предоставляемым другой стороной, места, содержащие шутки, и на которые она должна была отреагировать смехом.

Л.А. КЛЮКИНА

*Доктор философских наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет,*

Е.Н. ЗОЛОТУХИНА

*Студент
Петрозаводский государственный университет*

**АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА В ФАНТАСТИЧЕСКОМ
РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО
ЧЕЛОВЕКА»**

В статье смысловое пространство рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» рассматривается как интертекстуальное. Авторы статьи, используя герменевтический подход к тексту, выявили в смысловом содержании данного рассказа библейские идеи. В рассказе «Сон смешного человека» Достоевский оправдывает экзистенциальную веру, показав, что индивидуальная жизнь имеет смысл только в случае, если она посвящена делу вселенского спасения человечества, проповеди заповеди любви.

Ключевые слова: «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского, Библия, христианство, герменевтика.

L.A. KLYUKINA

*Doctor of Philosophy, Professor
Petrozavodsk State University*

E.N. ZOLOTUHINA

*Student
Petrozavodsk State University*

**THE APOLOGY OF CHRISTIANITY IN THE FANTASTIC
STORY OF F. M. DOSTOYEVSKY «THE DREAM OF THE
RIDICULOUS MAN»**

The semantic space of Fyodor Dostoevsky's story «The Dream of the Ridiculous Man» is regarded as an intertextual one in the article. The authors of the article use the hermeneutic approach to the text and reveal the biblical ideas in the semantic content of this story. Dostoevsky apologizes existential faith and shows that individual life makes sense only if it is dedicated to the cause of the universal salvation of mankind, the preaching of Christian love in the story «The Dream of a Funny Man».

Keywords: «The Dream of the Ridiculous Man» by F. M. Dostoevsky, the Bible, Christianity, hermeneutics.

В 2017 году исполняется 140 лет с момента первой публикации фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека». По словам М. М. Бахтина, рассказ «Сон смешного человека» (1877 г.) – «практически полная энциклопедия ведущих тем Достоевского» [1; С. 169]. «Во «Сне смешного человека» нас прежде всего поражает предельный универсализм этого произведения и одновременно его предельная же сжатость, изумительный художественно-философский лаконизм» [1; С. 167]. «Здесь очень ярко проявляется та исключительная способность Достоевского художественно видеть и чувствовать идею» [1; С. 169]. Разнообразные взаимоисключающих идей в данном рассказе было отмечено многими исследователями творчества Достоевского. Идеи христианства, нигилизма, утопии, свободы и многие другие в удивительном синтезе составляют основу мениппеи, «практически в строгом античном смысле этого термина, настолько четко и полно проявляются в ней классические особенности этого жанра» [1; С. 155].

Проблемой влияния библейских идей на творчество Ф. М. Достоевского занимались многие исследователи. После кончины писателя одним из первых, кто обратил внимание на «христоликость героев» [10; С. 15]. Достоевского стал Иустин Попович (1894-1979), деятель Сербской православной церкви. После октябрьской революции 1917 года, когда на Церковь обрушились гонения, проблемой изучения способа использования цитат из Библии и степени знания Достоевским библейского текста занимался видный деятель Русского зарубежья, религиозный писатель, публицист и историк литературы Плетнев Ростислав Владимирович (1903-1985) [13; С. 55]. В это же время русский философ и культуролог Бахтин Михаил Михайлович (1895-1975) начал исследовать многогранность творчества писателя, а данный рассказ, в частности, как мениппею «с универсализмом средневековой мистерии, изображавшей судьбу рода человеческого: земной рай, грехопадение, искушение» [1; С. 168]. В к. XX – н. XXI века в литературоведении уже сложилась традиция исследования связи текста рассказа «Сон смешного человека» с христианскими идеями. К подобным работам можно отнести труды В. В. Борисовой [4], П. Воге [5], Т. А. Касаткиной [11], Н. Г. Михновец [12], Б. Н. Тихомирова [14]. Вместе с тем, с точки зрения В. В. Борисовой, в рассказе «Сон смешного человека» прослеживаются и другие контексты [8; С. 178 – 179]. Однако христианство в эволюции духовной жизни Достоевского играло первичную роль. Сам Достоевский был воцерковленным человеком, в ссылке его настольной книгой было

Евангелие [9; С. 643 – 646], и именно через обращение к христианству писатель видел путь к возрождению человека.

Несмотря на многообразие диалогов в рассказе «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского, данное исследование направлено на изучение одного из самых трудных для понимания диалогов – диалога со Священным Писанием. Сам рассказ представляет собой подобие исповеди главного героя перед читателем, где изображается грешный путь героя, приходящего к прозрению истины. Целью данного исследования является выявление библейских идей в фантастическом рассказе «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского, интерпретация смысла рассказа «Сон смешного человека» как понимание Достоевским значения христианства в современную ему эпоху. В связи с этим в данном исследовании использован метод философской герменевтики. При построении интерпретации текста авторы статьи использовали идеи М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. По Хайдеггеру [15], понимание есть способ бытия, исторический человек не просто существует, усваивая опыт какой-то традиции, но определенным образом относится к этой традиции как условию своих собственных возможностей. Понимание исторической ситуации, в которую включен человек невозможно вне опыта трансцендирования, выхода за ее пределы, в результате которого устанавливается отношение к другой исторической ситуации и формируется понимание собственной. С точки зрения Гадамера [6], в ходе описания процедуры понимания необходимо показать место встречи двух сознаний как слияние их горизонтов, как диалог человека с традицией. Согласно Хайдеггеру и Гадамеру, понимающий причастен бытию понимаемого. Поэтому в ходе процедуры понимания текста необходимо выявить независимое от авторской интенции смысловое содержание, «вещность» текста по Гадамеру. Это требование связано с феноменологической редукцией Э. Гуссерля, в результате применения которой к тексту обнаруживаются «идеальные сущности», а не субъективные состояния автора текста. Авторы статьи, используя феноменолого-герменевтический подход к тексту пытались обнаружить в смысловом содержании рассказа «Сон смешного человека» именно идеи христианства, а не прямое цитирование Библии.

В данной статье была предпринята попытка сопоставить фрагменты текста рассказа «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского с текстами Ветхого и Нового Заветов. В процессе работы основной текст рассказа «Сон смешного человека» был разделен на пять логических частей, соответствующих основным этапам развития сюжета в рассказе: 1) разочарование главного героя в существовании, сон о самоубийстве главного героя и его путешествии на другую планету; 2) повествование о райской жизни обитателей планеты; 3) возвращение жителей планеты главным героем и

распространение грехов; 4) исповедь главного героя перед жителями планеты и попытка спасти их; 5) пробуждение ото сна главного героя и его решение о проповеди заповедей Любви. Далее последовательно к каждому выбранному отрывку подбирался фрагмент одной из книг Библии, по мнению авторов работы, наиболее точно отражающий его идею. Все выдержки из Священного Писания представлены во второй графе (см. Приложение). Путем анализа полученных текстовых пар были окончательно сформированы их основные христианские идеи, оформленные в столбце «Идеи христианства» (см. Приложение). В результате сопоставления фрагментов рассказа с цитатами из Библии были выделены важнейшие идеи христианства, затронутые в рассказе «Сон смешного человека». Это прежде всего учения:

- О греховности мира земного и чистоте Рая;
- О безгрешности души, непорочной чистоте младенцев;
- Об искушении, первородном грехе, изгнании из Рая;
- О грехе;
- О пророчествах и молитве как связи Бога и человека;
- О Спасении, заповедях любви;
- О пути спасения, покаянии;
- О служении, юродстве и проповеди как его разновидностях;
- О Страшном Суде.

Подробный анализ оформлен в виде таблицы (см. Приложения). Ниже представлены ключевые идеи рассказа:

1) В «смешном человеке» Достоевского можно усмотреть образ юродивого, человека, обличающего существующие мирские порядки и пороки, стремящегося обрести духовный опыт. К подвигу юродства призывает апостол Павел в «Первом послании к Коринфянам»: «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1Кор. 1:20); «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3:18).

Эти строчки можно сопоставить с фрагментом рассказа, где герой осознает, что его служение после восприятия Истины также будет воспринято окружающими как безумство, причем свое предназначение «смешной человек» предчувствовал заранее: «С каждым годом нарастало и укреплялось во мне то же самое сознание о моем смешном виде во всех отношениях. Надо мной смеялись все и всегда. Но не знали они никто и не догадывались о том, что если был человек на земле, больше всех знавший про то, что я смешон, так это был сам я, и вот это-то было для меня всего обиднее, что они этого не знают, тут я сам был виноват: я всегда был так

горд, что ни за что и никогда не хотел никому в этом признаться» [7; С. 363].

2) Осознание порочности мира возникло у героя из наблюдений за окружающими его людьми. Он не зря сравнивает своих соседей по дому с содомлянами, показывая, что пороки человека не изменяются во времени, различается только оболочка, соответствующая моде и современным нравам, но не содержание. Все это описывается в данном фрагменте: «Рядом, в другой комнате, за перегородкой, продолжался содом... Там жил отставной капитан, а у него были гости – человек шесть стрюцких, пили водку и играли в штос старыми картами. В прошлую ночь была драка, и я знаю, что двое из них долго таскали друг друга за волосы. Хозяйка хотела жаловаться, но она боится капитана ужасно. Прочих жильцов у нас в номерах всего одна маленькая ростом и худенькая дама, из полковых, приезжая, с тремя маленькими и заболевшими уже у нас в номерах детьми. И она, и дети боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся, а с самым маленьким ребенком был от страху какой-то припадок» [7; С. 366].

Его можно соотнести с повествованием о жизни обитателей Содома, погрязших в грехах и пороках, только Лот из Содома благодаря своей праведности и его дочери оказались достойными спасения от правосудия Бога (Быт.19:4-8,12-13).

3) Идеи о Рае и грехопадении выражены в путешествии героя на планету, невинное и непорочное население которой можно сравнить с первыми людьми, а также детьми. По своей неопытности и любопытству к новым, пусть даже порочным состояниям, они в какой-то момент подвергаются скрытым уловкам искусителя, в роли которого выступает герой рассказа. Описанию последствий грехопадения посвящена значительная часть «Книги Бытия» и рассказа «Сон смешного человека». История разворачивается настолько стремительно, что нельзя установить ни длительность процесса, ни его окончание. То, что герой заснул незаметно, и так же неожиданно проснулся в самый напряженный момент, предоставляет читателю самостоятельно додумать судьбу обитателей планеты.

4) Идея Спасения: «Смешной человек», осознав, что «он – та скверная трихина, тот атом чумы, который заразил всю счастливую и безгрешную до него землю, что он – тот атом лжи, который проник в сердца людей и вызвал сладострастие, жестокость, раздоры, боль и разрушил всех людей и все творение» [7; С. 378 – 379], приходит в отчаяние. Единственным выходом, по его мнению, является искупительная жертва, подобная жертве Иисуса Христа. И хотя «смешным человеком» руководила искренняя любовь к жителям планеты, чувство беспомощности

Н.О. НОГОВИЦЫН

Доцент

Кафедра культурологии, философии культуры и эстетики

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается анализируется процесс понимания медийных текстов. Автор показывает, что медийные тексты предполагают неклассическую схему полагания смысла. Место смысла в такого рода текстах занимает визуальный образ. Происходит своеобразная визуализация сообщения, которая становится осмысленной только в процессе восприятия. Текст, таким образом, оказывается посередине между классическим текстом и искусством.

Ключевые слова: медиакультура, философия языка, философия искусства, реклама

Работа выполнена при финансовой поддержке ГРНФ (грант № 15-33-01018 «Коммуникативные стратегии и культурные практики в период социокультурных трансформаций»).

N.O. NOGOVITSYN

Associate Professor

Institute of Philosophy

Saint-Petersburg State University

GENERATION OF IMAGE IN MEDIA TEXTS: SEMIOTIC ANALYSIS

Abstract: The article examines the process of understanding media texts. The author shows that media suggest a nonclassical scheme of understanding. The meaning is replaced by the visual image. There is a sort of visualization of a message that becomes accessible only in the process of comprehension. The conclusion is that media is similar to classical text and art at the same time.

Keywords: Media culture, philosophy of the language, philosophy of art, advertising

This work was supported by Grant GRNF № 15-33-01018.

Современная культура переформатирует не только окружающие нас знаки, но часто она идет глубже и меняет сам процесс смыслополагания. В отличие от простого письменного текста, текст медиа ставит своей целью не просто отослать читателя к предмету, он стремится создать некоторую осмысленную и завершенную форму, позволяющую выразить

комплексную идею или концепт. В сфере визуальной коммуникации ключевым местом здесь чаще всего определяется композиция. Апогеем данного подхода стал авангард, с его принципиальным отказом от изобразительности и столь же декларативной работой с цветом и формой. В художественной литературе, с другой стороны, целостность произведения выражается скорее в сюжете, при посредстве которого задается персонаж и все с ним происходящее. Проблема формирования произведения в медиакulturе оказывается намного сложнее. По сути своей, медиакultura совмещает в себе визуальную и текстовую составляющую. И, следовательно, целостность образа не может быть чисто визуальной или исключительно сюжетной. Цель данной статьи – определить некоторые возможные критерии формирования образа в формате медиа и продемонстрировать стратегии применения этих критериев на практике.

Традиционный способ создания образа предполагает легитимацию данного изображения через связь с изображаемым предметом. Смысл в данном случае появляется посредством отсылки (цитирования, искажения или демонстрации) значения. В пределах медиакulturы вещь находится в совершенно особом положении. В обычной ситуации вещь всегда дана как нечто определенное и завершенное. В ситуации медиа смысл вещи и ее форма оказываются размыты. Проблема объективации феномена медиа является достаточно актуальной для современной культуры. Медиа оказывается спрятано под некоторым аналогом шапки-невидимки, все знают, что оно есть, но никто не знает, где и как. Естественно, в данной работе мы не претендуем на то, что дадим окончательный ответ на этот вопрос, но, по крайней мере, попробуем расставить акценты. Предметом данного текста будет проблема смысла медиаобраза и возможные способы его описания.

В качестве примера можно взять проблему лжи из современных телесериалов (*Doctor House*, *Lie to Me* и др.). Мы встречаем довольно много остроумных сюжетов, теорий и объяснений того, как и почему люди лгут. Почему тема лжи так популярна в современной медиакulturе? Вопрос, очевидно, без ответа. Понятно, что есть разница между конкретной ложью и элегантным сюжетом, закрученным вокруг лжи. Эта разница проявляется и в сфере смысла, и в сфере значения. Но если на уровне обыденной жизни существует некая очевидность различия между смыслом и значением, то в сфере медиа эта очевидность (как показывает, например, весьма запутанная схема вторичной семиотической структуры Р. Барта) отсутствует.

Обращает на себя внимание то, что предмет в медиакulturе перестает быть собой и становится чем-то иным. В классической философии эта ситуация могла бы быть осмыслена в виде лжи, но в данном случае все

STUDIA CULTURAE
ТОМ 3, № 33 2017

- ББК 87   Studia Culturae. 3 (33) 2017. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры, 2017. – 166 с.
- S 60   В очередной выпуск журнала вошли научные статьи, посвященные изучению актуальных проблем теории и истории культуры, философии культуры, эстетики и философии искусства, истории и культурологи областничества. Издание предназначено для всех, интересующихся философией, культурой и искусством.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Е.Г. Соколов

МАКЕТ

Ю.М. Мальцева

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

Е. Соколова

Подписано в печать 30.10.2017

